

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

И. Н. Трофимова

Местное самоуправление в
отношениях центра и регионов:
европейские и российские
трансформации

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Trofimiva_RAPN.pdf

URL: <http://www.civisbook.ru>

**Пятый Всероссийский конгресс политологов
Москва, 20-22 ноября 2009 г.**

**МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В ОТНОШЕНИЯХ
ЦЕНТРА И РЕГИОНОВ: ЕВРОПЕЙСКИЕ И
РОССИЙСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ**

Ирина Николаевна ТРОФИМОВА

кандидат политических наук,
старший научный сотрудник,
сектор социальной политики и социального партнерства,
Центр комплексных социальных исследований,
Институт социологии РАН,
Москва

Доклад представлен на Пятый Всероссийский конгресс политологов.

Сессия:

С10 «Политические аспекты местного самоуправления в России».

Специальное заседание:

С10-2 «Принцип самостоятельности местного самоуправления и проблемы его реализации».

22 ноября 2009

Социально-политические изменения. Местное самоуправление является важнейшим элементом в системе территориальной организации власти и управления, поэтому любые трансформации этой системы влияют на статус местного самоуправления самым непосредственным образом. Как в большинстве европейских стран, так и в нашей стране, за последние три десятилетия произошли крупномасштабные административно-территориальные реформы. Наиболее значимыми по своим последствиям стали распад СССР и государственное строительство Российской Федерации, объединение Германии и создание Европейского Союза. Новая внутригосударственная и межгосударственная территориальная организация привела к значительным изменениям в статусе отдельных регионов и внутригосударственных территорий, в принципах взаимоотношений между ними.

Радикальный характер преобразований и сложность стоящих при этом задач требовали создания устойчивой и в то же время гибкой системы управления, в которой каждый уровень должен нести свой объем ответственности и полномочий. При такой организации идеология патернализма как всеобъемлющей опеки государства над своими территориями и гражданами уступила место представлениям о множественности и разнородности субъектов управления. Не случайно, практически одновременная и повсеместная трансформация системы управления получила определение «управленческой революции»¹. Происходит все большее горизонтальное и вертикальное разделение управленческой деятельности, вырабатываются новые, более эффективные, формы социально-политического взаимодействия. Сегодня в развитых демократических странах процесс выработки и реализации государственной политики похож на своеобразную политическую мозаику из взаимосвязанных политик, программ и проектов всех уровней².

Изменилось и значение местного самоуправления. Появились новые формы институционализации коллективной деятельности, когда местное сообщество становится главным местом выявления различного рода проблем. Усилилось противоречивое влияние на местную политику различных формальных и неформальных групп интересов. Получили развитие новые процедуры формулирования и понимания местных интересов, не имеющих связи или противоречащих общегосударственным целям. При этом в европейских странах сохранилось традиционно пристальное внимание проблеме адаптации индивидов и отдельных социальных групп в новых условиях многоуровневой

---

¹ Deutsch K.W. Political Community at the International Level. Salt Lake City: Aardvark Global Publishing Company, 2006 [first published in 1954]. P.30.

² Rieper O., Toulemonde J. Politics and practices of intergovernmental evaluation. New Brunswick: Rutgers – The State University, 1997. P.VII.

организации жизни. Новые социальные движения, расширение политического и общественного спектра, перераспределение ролей между политическим и социальными институтами стали рассматриваться как условия для создания благоприятной местной среды. Во всяком случае, сама возможность участвовать в созидании среды своего непосредственного обитания становится для человека в современных условиях важнейшей ценностью (Ф. фон Хайек).

При всей внешней схожести и актуальности задач по совершенствованию системы управления, предпосылки, характер и результаты реформ в этой области существенно отличались в отдельных странах. Но если в европейском регионе наблюдается общая, достаточно устойчивая, тенденция к повышению роли местного самоуправления, то в нашей стране с конца 1990-х гг. отмечается заметный спад муниципальной активности. Объяснение тому видится в особенностях эволюции системных взаимосвязей местного самоуправления с центральной и региональной властью.

Теоретические подходы. Широкомасштабные реформы системы государственного управления во многих странах мира, несомненно, были обусловлены глубинными сдвигами в системе социальных связей и технологической организации современного общества¹. Как видится, именно с этим связано то, что среди множества подходов к изучению взаимоотношений между центром, регионами и местным самоуправлением сегодня наибольший интерес вызывают социально-политические концепции. При этом как в теоретических исследованиях, так и в политической практике отчетливо заметен переход от концепта доминирующего центра и четкого распределения полномочий к концепту множественности акторов управления и их кооперации.

В рамках общественно-политической модели управление – это постоянное и активное взаимодействие государства и гражданского общества, обеспечивающее адаптацию управленческих механизмов в условиях растущей сложности и динамики современного общества, разнообразия социальных проблем². Очевидно, что наиболее активно взаимодействие государства и общества происходит на местном уровне, независимо от национальных особенностей сложившейся системы управления. Чем

---

¹ Гаман-Голутвина О. Изменение роли и функций современного государственного управления: отечественный и зарубежный опыт // Административные реформы в контексте властных отношений: Опыт постсоциалистических трансформаций в сравнительной перспективе / Под ред. А.Олейника и О.Гаман-Голутвиной. М. РОССПЭН, 2008. С.100.

² См.: Modern governance: new government-society interactions. Ed. by J.Kooiman. L.: Sage, 1993; Debating governance: Authority, Steering and Democracy. Ed. by J.Pierre. Oxford: Oxford University Press, 2000; Governance as social and political communication. Ed. by H.P.Bang. Manchester: Manchester University Press, 2003; Kooiman J. Governing as governance. L.: Sage, 2003; Remaking governance: peoples, politics and the public sphere. Ed. by J.Newman / European Social Policy Association Research Network. Bristol: The Policy Press University of Bristol, 2005 и др.

активнее участие граждан в местном самоуправлении, тем более самостоятельную роль играет данный институт публичной власти во взаимодействии с центром и регионами.

Я.Коойман выделяет несколько видов и способов публичного управления: самоуправление (selfgoverning), со-управление (co-governing или inter-governance), иерархическое управление (hierarchical governing) и смешанное управление (mixed-mode governing)¹. Самоуправление – это основная форма деятельности общественного сектора. В со-управлении смешаны различные формы горизонтальных и вертикальных отношений, но горизонтальные структуры, тем не менее, доминируют. Обязательным условием здесь является определенная степень равенства и автономии субъектов, уступка которых всегда частична и предполагает двусторонние соглашения, права и обязательства. Иерархическое управление представляет собой самые формализованные способы отношений, в которых права и обязанности организованы согласно иерархии ответственности и задач. В то же время это наиболее классический и характерный способ управленческих интеракций между государством, гражданином и гражданскими объединениями (Т.Парсонс). Почти для всех субъектов и на каждом уровне наиболее распространенной практикой публичного вовлечения в общественные дела является политическое участие, которое тесно связано с одной или несколькими формами правового или административного руководства. Однако сегодня все большее распространение получает так называемое «смешанное управление», обусловленное признанием взаимозависимости основных общественных институтов. Взаимодействие при этом складывается на основе принципа «как будет лучше решать социальные проблемы»: гражданское общество хорошо управляется с разнообразием, рынок – с динамическими аспектами, публичный сектор (государство) – с комплексностью современного общественного развития. Основной управленческой задачей остается определить дизайн смешивания участия этих трех основных акторов.

При современной многоуровневой системе востребованным оказывается взаимодействие всех уровней и видов управления. Как видится, именно в рамках общественно-политической модели местное самоуправление получает необходимые условия для своего развития: 1) определенную степень политической автономии и 2) устойчивость и преемственность в отношениях между центральной региональной и местной властью.

Роль местного самоуправления в отношениях с центром и регионами определяется самой природой данного института публичной власти. Большая часть деятельности общественного сектора и общественных интеракций имеет

---

¹ См.: Governance and the public sector. Ed. by R.Hodges. Budmin: MPG Books Ltd., 2005. P.75-76.

самоуправленческую природу. И в любом виде публичного управления, местное самоуправление выступает как один из важнейших субъектов, способный специфическим образом регулировать интересы отдельных граждан, местного сообщества, региона и государства в целом. В отличие от традиционных институтов репрезентативной демократии (выборы, партии) местное самоуправление в наибольшей степени отражает повседневную действительность и общественную динамику. Чем более задействовано местное самоуправление в выработке и реализации государственной политики, тем менее авторитарными и более кооперативными становятся управленческие отношения. Местное самоуправление становится институтом трансляции и первичной управленческой интерпретации запросов общества.

В данном контексте местное самоуправление является одним из важнейших элементов, обеспечивающих устойчивость общественно-политической системы. Местное самоуправление воплощает в себе диалектику управления и самоуправления, организации и самоорганизации, а в широком смысле – диалектику взаимоотношений государства и общества. Двойственная природа местного самоуправления говорит о том, что как институт оно может развиваться и функционировать в достаточно широком диапазоне возможностей. Горизонты возможностей – это те пределы, до которых может прийти та или иная система или подсистема в своем развитии или деградации, не создавая при этом опасности распада всей системы (Н.Луман). Эти пределы можно обозначить также как «сила» и «слабость», которые обнаруживаются только в процессе взаимодействия системы с подсистемами или подсистем между собой. Например, в нашей стране сила местного самоуправления часто ассоциируется с поддержкой президента или губернатора, а слабость – с отсутствием таковой. И это видится не случайным. Сложившаяся система территориальной организации власти и управления – это во многом результат взаимообусловленного развития центральной, региональной и местной власти.

Децентрализации управления по-европейски. Эксперименты по реформированию системы публичного управления в европейском регионе сегодня находятся на подъеме, но существенно различаются в отдельных странах. Например, Великобритания с самого начала реформ ориентировалась на внедрение рыночных методов управления, принципов нового менеджмента, децентрализации и некорпоративизма. Во Франции, напротив, приходилось преодолевать сильные патерналистские настроения, как среди граждан, так и на местах. В скандинавских странах обнаружилось серьезное противоречие между идеологией социального равенства и политикой повышения роли муниципалитетов¹.

---

¹ См.: Baldersheim H., Stahlberg K. From guided democracy to multi-level governance: Trends in central-local relations in the Nordic countries // Local Government Studies. 2002. V.28(3).

Решение социальных проблем в большей степени увязывается с деятельностью органов местного самоуправления и в контексте взаимоотношений с отдельными и гражданами и группами, а не с государственными структурами. На фоне неоднозначных и противоречивых тенденций локальная демократия в скандинавских странах продолжает играть важную роль. Прежде всего, это касается реакции региональных и местных сообществ на текущие изменения и возможности формировать устойчивую среду, которая уменьшает неопределенность и позволяет предвосхитить результаты реформ.

В европейских странах, децентрализация управления происходила в условиях нарастания социальных проблем. Безработица, бедность, экология, общественная безопасность – вот основные проблемы, с которыми пришлось столкнуться региональным и местным органам управления, и решение которых виделось невозможным без развития партнерских отношений между государством и гражданским обществом. Возникли новые процедуры формулирования общей пользы, иногда вне связи с общегосударственными или секторными целями. Например, в сфере социальной политики новым странам-членам для ЕС предписана единая схема борьбы с бедностью на основе широкого партнерства, включая национальные, региональные и локальные власти, социальных партнеров и заинтересованных групп. Таким образом, вступление и равноправное членство в ЕС может потребовать корректировки интересов национальных и местных органов власти, предпринимательских и общественных структур. Отчасти поэтому реформа управления в бывших социалистических странах реализовывалась с переменным успехом. Низкий уровень легитимности местного самоуправления в государствах Центральной и Восточной Европы стал причиной того, что граждане с большей готовностью поддерживали центральную власть, но сопротивлялись всему, что было связано с реформой местного самоуправления¹.

Из всех европейских стран с наиболее сходными с Россией по сложности проблемами столкнулась Германия, где процессы внутренней интеграции происходили одновременно с интеграцией в рамках Евросоюза. Перед германским обществом, особенно в новых федеральных землях, возникли неизвестные до этого времени социально-экономические проблемы. Например, безработица пришла на смену полной занятости, притом, что многие коммуны обезлюдели в связи с массовой эмиграцией местных жителей в «старые» федеральные земли и за рубеж. Так, в городе Лютерштадт Виттенберг (Lutherstadt Wittenberg) безработица сегодня достигает 23%, а население – при совсем не большой численности около 48 тыс. – уменьшается на 600 человек ежегодно.

---

¹ См.: Elander I. Between centralism and localism: on the development of local self-government in post-socialist Europe // *Environment and Planning C: Government and Policy*. 2007. V.15(2). Pp. 143-159.

Новые федеральные земли стали своего рода экспериментальной площадкой, испытав на себе влияние общеевропейской политики и политики федерального центра. И в том, и в другом случае местное самоуправление предполагалось усилить за счет привлечения знаний и опыта членов местных сообществ, но не за счет верхних уровней управления¹. Например, в г. Бонн взаимодействие муниципалитета с горожанами происходит под девизом «Мы хотим стать лучше: помогите нам в этом». При этом граждане высказывают свои мнения, предложения и критику в самых различных формах: письменно, по телефону, через Интернет. Среди горожан – активных участников диалога – разыгрываются билеты на представления в городскую оперу, театр или концерт Бетховенского оркестра. Такой опыт, конечно, не только интересен, но и весьма поучителен.

В значительной степени повышение роли местного самоуправления стимулировалось самим государством в лице органов управления всех уровней. При этом активизирующая роль государства проявлялась в самых различных областях: от выборов до бюджета, вернее, той части муниципального бюджета, который формируют и исполнение которого контролируют граждане. Как известно, впервые гражданский бюджет был разработан в бразильском городе Порту-Алегри (Porto Alegre) в 1989 г. и впоследствии распространен как в Америке, так и Европе. В 2005 г. в Европе насчитывалось 55 гражданских бюджетов, из них 10 в Германии. Например, в Лихтенберге, одном из городских районов Берлина, гражданский бюджет был впервые представлен в 2006 г. и составил 120 тыс. евро, или 6% от общего бюджета. В его обсуждении приняли участие 1,6% населения округа. Это, конечно, не много, но следует учесть, что было выдвинуто 367 предложений, 42 из них были рассмотрены и 37 приняты на окружном собрании депутатов. При этом все предложения касались решения социально значимых проблем: поддержки пенсионеров, молодежной занятости, развития спорта, здравоохранения, культуры и образования. По образному выражению одного из исследователей, группы горожан превратились в своеобразные «картофельные партии» в том смысле, что «достали из своих погребков и чуланов», казалось бы, незначительные, но весьма актуальные темы для обсуждения².

При всех организационных и финансовых затратах при выработке гражданского бюджета, его плюсы очевидны:

---

¹ Dorf M.C., Sabel C.F. A constitution of democratic experimentalism // Columbia Law Review. 1998. V.98(2). Pp. 267-473.

² См.: Францке Й. Новые формы участия граждан в принятии решений на местном уровне. Европейский и немецкий опыт. Материалы семинара. М.: Центр «Социальное партнерство», 2008. С.1-14.

- лучшее информирование граждан о городских проблемах и перспективах городского развития;

- большая прозрачность в местном бюджете;
- повышение активности граждан;
- повышение ответственности власти;
- развитие опыта социального взаимодействия.

С другой стороны, активизация коллективной деятельности неоднозначным образом влияет как на само местное самоуправление, так и на его взаимоотношения с региональной и центральной властью. Сочетание влияния политически устойчивых местных управленческих групп и неуправляемого воздействия различных групп давления часто делает результат непредсказуемым. В правовом государстве противоречия между территориальными и экстерриториальными интересами снимаются либо путем согласования, либо в судебном порядке. В качестве примера уместно привести историю со строительством нового моста в Дрездене через долину Эльбы. Споры вокруг строительства нового моста через Эльбу в Дрездене велись с 2005 г. Горожане поддержали планы местной администрации, рассчитывая, что новый мост значительно улучшит транспортную ситуацию в городе. Строительство пыталась опротестовать ЮНЕСКО, грозя лишить долину Эльбы в районе города статуса мирового культурного наследия. Суд подтвердил приоритетность результатов местного референдума над требованиями международной организации. Но в 2008 г. административный суд города Дрезден все-таки приостановил строительство моста через Эльбу. Решающий довод на этот раз привели экологи, выступившие в защиту редкого вида летучих мышей, для популяции которых новый мост представлял бы угрозу.

В целом, обобщая результаты «управленческой революции» в европейских странах, можно сказать, что в отношениях между центром, регионами и местным самоуправлением традиционные стили и методы продолжают существовать бок о бок с новыми подходами, делая эти отношения более многослойными и комплексными. При этом местное самоуправление не только сохраняет свою актуальность, но приобретает новое значение, обеспечивая устойчивость всей системы многоуровневого управления посредством вовлечения граждан в решение социально значимых проблем.

Российский опыт. Становление местного самоуправления в нашей стране пришлось на 1990-х гг. и происходило в условиях кризиса государственного управления, одним из результатов которого стали распад СССР и последовавший за ним «парад суверенитетов» бывших союзных и автономных республик. Обретение последними в 1991 г. статуса национально-государственных образований в составе Российской Федерации

вызвало цепную реакцию, приведшую к усилению региональной власти. Но в силу ряда факторов (национально-территориальная структура, асимметричность федеративного устройства, межрегиональная дифференциация, отсутствие комплексного и системного подхода к решению национальных и региональных проблем и др.) возникла проблема сохранения единства и целостности государства. Как отмечают исследователи, в федеративных системах позиция центральной власти в межуровневых управленческих отношениях в целом слабее, и региональные власти могут «схватить» власти больше, чем в унитарных государствах¹. Будучи заместителем главы правительства, С.Шахрай заметил, местное самоуправление – это инструмент ограничения чрезмерной независимости региональных лидеров, включая этнические республики. В этих условиях реформа местного самоуправления во многом способствовала поддержанию баланса в отношениях между федеральным центром и субъектами федерации.

Деятельность органов местного самоуправления отчасти компенсировала слабость центра, отчасти нейтрализовала усиление власти региональной. В то время, пока центр и регионы выясняли политические отношения, практически вся ответственность за обеспечение жизнедеятельности населения легла на плечи органов местного самоуправления. Несмотря на трудности в 1990-е гг. был наработан очень важный и полезный опыт управления, который в современных условиях оказался не востребованным. Речь идет о таких характеристиках деятельности органов местного самоуправления, как оперативность, рациональность, предприимчивость, новаторство. Иногда за этим скрывались и правонарушения, но в целом открытости для населения было гораздо больше, чем в современной России.

Как видится, до конца 1990-х гг. реформы управления в Европе и России имели общую направленность – децентрализация и повышение эффективности каждого уровня власти за счет внедрения новых механизмов взаимодействия и широкого участия граждан в местном самоуправлении. В нашей стране социально-политические коммуникации на местном уровне активно развивались именно в этот период. Самоорганизация и коллективная деятельность населения рассматривалась как необходимое условие большего удовлетворения интересов отдельных групп – инвалидов, многодетных семей, неполных семей, пенсионеров. Развивались контакты власти и бизнеса, что делало деятельность и тех, и других более открытой, доступной для взаимного согласования. Экономическая целесообразность толкала органы местного самоуправления и бизнес к взаимодействию, например, в долевом управлении объектами муниципальной собственности, созданию муниципальных банков и фондов, во взаиморасчетах и т.п.

---

¹ Ross C. Urban Politics and Democratisation in Russia. NY: Rutledge, 2008. P.15.

Существовала определенная конкуренция и внутри самой местной власти. Так, программы экономического блока (производство и развитие) и социального блока (потребление) конкурировали за ресурсы, и в этом была определенная динамика и баланс сил. Создавались структуры с функциями организации и развития социальных коммуникаций. Таковыми были различные комитеты общественного (территориального) самоуправления, нередко совмещавшие в себе административные и общественные полномочия. Регулярно проводились встречи с населением, как на предприятиях, так и по месту жительства (городских районах, кварталах). Таким образом, активизация муниципальной деятельности способствовала поддержанию социальной стабильности и устойчивости системы управления в целом.

Однако децентрализация управления в сочетании с рыночной реформы привела к негативным последствиям, прежде всего, к снижению управленческой способности государства. В отсутствие демократических традиций реформа управления проводилась в соответствии с теми представлениями, которые преобладали накануне падения коммунистического режима в стране. Приватизация лишила социальных гарантий не только трудовые коллективы большинства предприятий, но и целые местные сообщества, вынуждая искать поддержку у региональной власти. В целом можно согласиться с выводами А.Эванс о том, что особенности современного местного самоуправления в России объясняются следствием решений, принятых пост-коммунистическим руководством страны, включая методы и содержание экономических реформ¹. Это привело к неудовлетворительным результатам, как для возрождающейся местной экономики, так и для утверждения демократии на местном уровне.

В России, так же как и в Европе, процесс децентрализации управления сопровождался различными экспериментами, появлением новых форм общественной самоорганизации и взаимодействия на местах. Однако влияние этого фактора на развитие местного самоуправления видится незначительным. События последних почти двух десятилетий показали, что гораздо в большей степени перспективы развития местного самоуправления зависят от характера отношений между центром и регионами. Последующие в 2000-2008 гг. преобразования привели к усилению центра и подавлению политических амбиций субъектов Федерации, что в корне изменило отношение к местному самоуправлению. Данный этап можно обозначить как централизованная регионализация, содержанием которой стало уже не политическое, а скорее гео- и социоэкономическое определение регионов, в том числе и в ходе образования

---

¹ Evans A.B. Economic resources and political power at the local level in post-Soviet Russia // Policy Studies Journal. 2000. V.28(1). Pp.114-133.

федеральных округов. С одной стороны, это способствовало пониманию общности региональных и местных интересов, но с другой, усилило зависимость местных сообществ от региональной власти, ограничило их самостоятельность.

Одним из результатов реформ стало то, что отношения между центром, регионами и местным самоуправлением приобрели более комплексный и договорной характер. Но в отличие от развитых демократий, в России управленческие отношения в большей степени стали представлять собой закрытую кооперацию¹. Притом, что федеральные и региональные государственные институты и органы местного самоуправления имеют договоренности о кооперации и объединенном участии в специальных программах, эти отношения являются непрозрачными и недоступными для контроля и влияния общественности. Как отмечают исследователи, реальная политика в российских регионах и на местах всегда была детерминирована центральным правительством и той частью официальных лиц, которые напрямую контактировали с регионами и городами².

В ходе реформ удалось скорректировать взаимоотношения между центром, регионами и местным самоуправлением, но ограничение развития потенциала местных сообществ снова приведет к нарастанию противоречий, что потребует своего решения через некоторое время.

Вывод. Таким образом, реформы управления в нашей стране и в европейских странах по своим целям имели много общего. Местному самоуправлению в этих преобразованиях отводилась значительная роль по обеспечению устойчивости и стабильности всей системы управления, прежде всего, за счет его социально-политического потенциала. В ходе европейских преобразований местное самоуправление не только сохранило свою автономию в отношениях с центральной и региональной властью, но и приобрело новые качества, необходимые для организации жизнедеятельности местных сообществ в современных условиях. В нашей стране значение местного самоуправления меняется: инструмент поддержания баланса сил между центром и регионами в период радикальных реформ и низовой уровень в системе управления, получившей определение «вертикали власти», в период политической стабильности. В определенном смысле и европейский, и российский опыт – это варианты ответа на вопрос, который сформулировала еще императрица Екатерина II (1761-1796):

---

¹ Decentralization and local democracy in the world. First global report by United Cities and Local Governments. 2008. Barcelona: United Cities and Local Governments, 2009. P.106.

² Slider D. Federalism, Discord, and Accommodation. Intergovernmental Relations in Post-Soviet Russia // Local power and post-Soviet politics. Ed. by T.H.Friedgut, J.W.Hahn. NY: M.E.Sharpe Inc., 1994. P.240.

«Самое вышнее искусство Государственного управления состоит в том, чтоб точно знать, какую часть власти, малую или великую, употребить должно в разных обстоятельствах¹».

---

¹ Наказ Комиссии о сочинении Проекта Нового Уложения // Политическая мысль России. От истоков до февраля 1917 года: антология / под общ. ред. В.В.Мухачева. М.: Гардарики, 2008. С.76.